

Рецензия на книгу: Вдовина Г. В. Интенциональность и жизнь : Философская психология постсредневековой схоластики

М.; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2019. 588, [4] с.
(*Humanitas*)

В 2019 г. в рамках серии «*Humanitas*» издательства «Центр гуманитарных инициатив» читателям была предложена новая работа известного российского исследователя, ведущего научного сотрудника Института философии РАН д-ра филос. наук Галины Владимировны Вдовиной «Интенциональность и жизнь: Философская психология постсредневековой схоластики».

Данная книга продолжает цикл работ Г. В. Вдовиной, включающий как исследование ранее не попадавших в сферу интересов российских ученых вопросов существования и развития позднесредневековой и постсредневековой схоластики, так и переводы важных текстов схоластических авторов и современных интерпретаторов¹. Исследование это, таким образом, может рассматриваться, с одной стороны, как определенный итог, с другой — как приглашение обратиться к изучению ранее почти не известной для отечественных медиевистов и специалистов по истории философии области — схоластической гносеологии.

Прежде всего, необходимо отметить, что схоластика в российской исследовательской традиции всегда воспринималась как «онтология», учение о бытии и Боге, и этот способ понимания почти исключает вопрос о том, каковы истоки этой «онтологии», откуда и как в человеке появляется знание о бытии. Отчасти по-

1. См.: Вдовина Г. В. Язык неочевидного : Учения о знаках в схоластике XVII в. М. : Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2009. 649 с.; Она же. *Species impressa*: об интенциональных формах в когнитивных концепциях постсредневековой схоластики // Философский журнал. 2016. Т. 9. № 3. С. 41–58; Она же. Лаборатория онтологических понятий: Антоний Сирект и Антонио Тромбетта — скотисты XV в. // Историко-философский ежегодник, 2017. М. : Аквилон, 2017. С. 21–50. Переводы: Суарес Фр. Метафизические рассуждения : Рас-

суждение I–V / Вступ. ст. Г. В. Вдовиной и Д. В. Шмонина ; Пер. с лат. и комм. Г. В. Вдовиной. М. : Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2007. 774 с.; Антоний Сирект. Трактат о формальностях в новейшем изложении (Вступление и раздел I) / Пер. с лат. и комм. Г. В. Вдовиной // *Esse*. 2016. Т. 1. № 2 (2). С. 221–234; Перлер Д. Теории интенциональности в Средние века / Пер. с нем. Г. В. Вдовиной. М. : Дело, 2016. 472 с. Библиографию автора см. на странице профиля РАН: <https://iphras.ru/page18238385.htm>.

этому работы о теории познания в контексте схоластики появляются сравнительно редко². Исследование Г. В. Вдовиной выходит за рамки этого традиционного и явно недостаточного понимания схоластики, предлагая увидеть в ней ранее неизвестные грани и задавая новый уровень ее изучения.

Другой особенностью работы Г. В. Вдовиной является стремление «представить целостное здание постсредневековой схоластической философской психологии в максимально аутентичном виде, избегая модернизаций и по возможности сохраняя подлинную схоластическую терминологию» (с. 22–23). Это позволяет автору книги показать такую важную для понимания стиля мышления схоластов и их способа делать выводы особенность, как систематичность — что также отличает данную работу от принятого в российской науке способа описания схоластики, как традиции по определению вторичной, оттого же не имеющей внутренней цельности и обязательно нуждающейся в перетолковании и пересобирании со стороны исследователя³.

Последовательно рассматривая ряд учений о познании, сформированных католическими авторами эпохи «барочной» схоластики XVI–XVIII вв., долгое время конкурировавшей с ведущими направлениями новоевропейской философии (картезианством, спинозизмом, эмпиризмом), Г. В. Вдовина показывает, как представители этого интеллектуального течения трактовали появление в человеке знания и его оформление в рамках конвенциональных символических структур (понятий, суждений, умозаключений). Данная проблематика помещена в аутентичный контекст философской психологии в ее специфическом для схоластики понимании — как учении о человеческом бытии. Поскольку, согласно этим авторам, разумная душа является формой (сущностью) человека, трактовка когнитивной активности приобретает универсальный онтологический смысл — истолко-

2. Следует назвать М. А. Гарнцева, чья работа «Проблема самосознания в западноевропейской философии (от Аристотеля до Декарта)» (М. : МГУ, 1987) оставалась долгое время единственной, обращавшейся к эпистемическому содержанию схоластики, и Д. В. Шмонина, который в монографии «Фокус метафизики. Порядок бытия и порядок познания в философии Франсиско Суареса» (СПб. : Горный университет, 2002) одним из первых обратился к изучению постсредневековой схоластики, включив в исследование и гносеологическую проблематику.

3. Истоки чего, по всей вероятности, следует искать в зависимости русской историко-философской науки от немецкой, где авторитетом Гегеля долгое время было освящено следующее положение: «Она интересна не своим содержанием, ибо на нем нечего останавливаться. Она не является философией, а это название обозначает, собственно говоря, больше общую манеру, чем некую систему, если здесь вообще может быть речь о какой-либо философской системе» (Гегель Г. В. Ф. Лекции по истории философии : В 3 кн. Кн. 3. СПб. : Наука, 2003. С. 178–179).

вание человеческого существования как определенной модальности живого. Внутри схоластики эта проблема была связана со множеством вопросов — от взаимосвязи души и тела в их отдельных витальных актах до дискуссий об «отделенных субстанциях», т. е. душах вне физического телесного бытия. В соответствии с обозначенными в начале исследования акцентами Г.В. Вдовина сосредотачивается именно на познавательном аспекте этой проблемы, определяя задачу как ответ на вопрос: что представляет собой когнитивная активность в контексте связи двух порядков бытия — духовного и физического (с. 5). Познание осуществляется через чувственное восприятие, которое затем, посредством сложного механизма взаимодействия телесных и духовных способностей, достигает степени ясности и истинности. Книга посвящена тому, как этот механизм трактуется в ряде философских курсов XVII в., преимущественно авторов-иезуитов (Ф. Суареса, П. Уртадо де Ментосы, С. Искьердо, Р. Арриаги, Ф. Овьедо и др.), а также их оппонентов из числа доминиканцев-томистов, францисканцев-скотистов, кармелитов-аверроистов.

Последовательно прослеживая этапы формирования знания, Г.В. Вдовина обстоятельно освещает активно обсуждаемую в современной науке проблему *species*, репрезентаций, которые представляют предмет постижения когнитивной способности. Соответственно уровням познавательной способности ею описываются *species impressae*, т. е. «напечатленные виды», порождаемые чувственным восприятием и воспринимаемые интеллектом (гл. 2–3), далее — в 4 гл. — постоянные элементы действия когнитивных механизмов (*habitus*, «хабитусы»), которые обеспечивают «возникновение, сохранение и функционирование автоматизмов и алгоритмов в ходе познавательной, а в некоторых интерпретациях и практической деятельности» (с. 283); наконец, *species expressae*, «выраженные формы» или как таковые репрезентации объекта в познавательной способности, т. е. знание (гл. 5).

Этот план, раскрывающий концепцию познания в постсредневековой схоластике, дополняется также двумя исследованиями, характеризующими, с одной стороны, стиль обсуждения схоластами вопросов познания, с другой — те вопросы, на которые выводила их гносеологическая проблематика. Поэтому предпоследняя (6-я) глава исследования посвящена проблеме вложения интенциональных качеств (когнитивности) в разного рода объекты, не обязательно к тому приспособленные. Характеристика способности познания через аристотелевскую категорию каче-

ства требовала уточнения — сколь оно универсально, и схоласты решали этот вопрос, рассуждая о том, «насколько необходима для мышления и познания собственная витальная активность их субъекта? Возможна ли в принципе реализация интенционального содержания актива души в другом носителе? Возможно ли внедрить мысли, идеи, представления в субъект, который не произвел их сам, но чисто пассивно принял извне? Что означало бы такое внедрение с точки зрения общего представления об интенциональной и физической жизни?» (с. 389). Описывая решение этих вопросов у разных авторов, Г. В. Вдовина показывает, с одной стороны, как эта проблематика восходит к средневековым спорам об абсолютной и упорядоченной власти Бога (*potentia Dei absoluta et ordinata*), а также укоренена в дискуссиях вокруг определений Тридентского собора о характере связи Бога и души; с другой же стороны, она отмечает актуальные философские дискуссии, возвращающиеся к тем мыслительным ходам, которые некогда продумывались схоластами (с. 388–391).

Последняя глава исследования посвящена проблеме ментального содержания, т. е., в широком смысле, не характеристике, а условиям протекания познания, определяющим как его характер, так и тот результат, что в итоге станет знанием. Здесь получает раскрытие и толкование проблема действительности знания, отраженная в известной томистской формуле истины (*adaequatio rei et intellectu*). С чем имеет дело познавательная способность, когда утверждает действительность того знания, которым обладает? В чем существо того, как представлена вещь в нашем знании? Что остается от когнитивного акта и как его результат соотносится с моментами этого процесса (схоласты называли это *terminus*, «термин», или *verbum mentis*, «ментальное речение»)? В конце концов, в чем состоит сообразность интенционального и реального уровней бытия, приводящая к тому, что они соединяются в познании и оказываются соотносимы друг с другом? Ответ на эти вопросы, обоснованный уникальным текстологическим материалом и фундированный предшествующими рассуждениями об уровнях и элементах познания, позволяет завершить картину схоластической эпистемологии.

Таким образом, перед нами цельное и точное описание схоластического понимания познания, фундирующих его механизмов и тех структур, которые связывают воедино когнитивные и витальные процессы. Важным аспектом исследования является предложение определенных обобщений (см. с. 323–343), что по-

зволяет комплексно рассматривать предложенные схоластами XVII–XVIII вв. концепции познания и создает возможность более детальных исследований.

Примечательной особенностью является то, что материал схоластической гносеологии рассматривается Г. В. Вдовиной в рамках аутентичного контекста. Прежде всего это проблемы теологии. Хотя Г. В. Вдовина отграничивает предмет своего исследования от собственно богословского измерения проблем познания и духовной деятельности (и поэтому в его состав не попадают такие чрезвычайно интересные аспекты, как, например, характер *beatifica visio* и т. п.), однако в фоновом режиме эти предпосылки автором постоянно имеются в виду, указываются и истолковываются, от вводного тезиса, задающего тональность исследования: «нам придется примириться с тем фактом, что практически все значимые философские новации в схоластике вообще возникали внутри теологии, из нужд теологии и для целей теологии» (с. 9) — до очерченных в заключении масштабных перемен в самом понимании ряда фундаментальных богословских и философских концептов, которые произошли на рубеже Средневековья и Нового времени и продолжают по сей день оказывать влияние на интеллектуальную культуру. Поэтому данная работа, проясняющая многие важные аспекты в понимании католическими богословами раннего Нового времени проблемы творения, управления мира Богом, богопознания и спасения, представляется необходимой не только для историков философии или психологии, но и для историков теологии.

Перед нами редкое по масштабу и качеству историко-философское исследование, раскрывающее понимание познания в рамках течения постсредневековой схоластики, но, по существу, затрагивающее вопросы, актуальные для огромного количества специалистов, работающих как над историческими, так и над актуальными проблемами философской психологии и гносеологии. Кроме того, множество текстологических замечаний, сопровождающих выводы автора, наряду с приведенными на языке оригинала фрагментами изучаемых источников делает данную работу необходимой для того, кто берется читать и переводить латиноязычные философские тексты.

Р. В. Савинов,
канд. филос. наук